

тории области функционировали следующие национальные педагогические техникумы: Свердловский татаро-башкирский педтехникум, Троицкий татаро-башкирский педтехникум (с дошкольным отделением), Урало-Марийский педтехникум и Кудымкарский педтехникум. В этих техникумах в 1929-30 учебном году обучалось 840 человек. Также были открыты национальные отделения при Красноуфимском сельскохозяйственном техникуме, Тобольском педтехникуме (для северных народностей) и Тюменском медтехникуме, в которых в данном учебном году обучалось 285 человек. [12]

В 1920-30-е гг. культурные запросы нацменьшинств Урала удовлетворялись широко распространенной сетью национальных библиотек, число которых к 1932 г. достигло 283, [13] а также сельскими клубными учреждениями: избами-читальнями, народными домами и домами крестьянина.

Сегодня для России актуально формирование новой реалистической концепции национальных отношений, которое возможно только через глубокое и всестороннее изучение исторического опыта, накопленного нашей страной в области национальной политики и, прежде всего, на региональном уровне. В данном аспекте особенно интересен и актуален опыт работы руководства Уральской области с национальными меньшинствами края в 1920-е - первой половине 1930-х гг.

1. ЦДООСО. Ф.4. Оп.6. Д.465. Л.97-98.
2. Там же.
3. Лебедев Ф. Народность и грамотность населения Уралобласти по переписи 1926 года // Хозяйство Урала. 1928. № 1. С.162.
4. ГАСО. Ф.Р-233. Оп.1. Д.98. Л.102; Д.1121. Л.29.
5. ГАСО. Ф.Р-233. Оп.1. Д.163. Л.112.
6. ГАСО. Ф.Р-233. Оп.1. Д.68. Л.65, 33.
7. ЦДООСО. Ф.4. Оп.3. Д.18. Л.134.
8. Что дало районирование национальностям Урала (по материалам орготдела Уралсовета) // Известия Уралоблсполкома. 1928. № 49-59. С.6.
9. Ибрагимов А., Садыков С. Успехи ленинской национальной политики на Урале. Свердловск, 1932. С.8.
10. Хасанкаев С. Национальная политика Октября и просвещение нацмен // Просвещение на Урале. 1927. № 2. С.113.
11. ЦДООСО. Ф.4. Оп.11. Д.1126. Л.72.
12. ГАСО. Ф.Р-88. Оп.5. Д.65. Л.213.
13. Путь социализма. 1932. 7 ноября.

С.В.ЛЕЗОВА (Екатеринбург)

ДАННЫЕ О ЧИСЛЕННОСТИ НЕНЦЕВ ЯМАЛА СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

Как известно, основными источниками в исследовании исторической демографии коренных народов Севера, в том числе ненцев (самоедов), являются ревизии. [1] Для сопоставления архивных и современных полевых и статистических данных особое значение имеют последние, 9-я (1851 г.) и 10-я (1858 г.) ревизии. После них, вплоть до середины XX в. (когда начали составляться похозяйственные списки сельских советов), сколько-нибудь полных источников по демографии сибирских ненцев практически не существует. Данные 1-й Всероссийской переписи 1897 г. дошли до наших дней только в виде общих статистических сводок, [2] тогда как первичные источники информации (посемейные карточки), использовавшиеся С.К.Паткановым, в архивных фондах до сих пор не обнаружены. От Всесоюзной переписи населения Приполярно-

го Севера 1926/27 гг. сохранился список кочевых хозяйств п-ва Ямал, [3] однако он является выкопировкой из похозяйственных карточек и поэтому содержит лишь сводные данные.

Главной проблемой в использовании материалов 9-й и 10-й ревизий является определение степени их достоверности - соответствия ревизских списков реальной численности населения, его родовому (фамильному) составу. В этом отношении переписи 1850-х годов обнаруживают ряд курьезных обстоятельств, прежде всего резкий скачок численности ямальских ненцев (бродячих самоедов каменной стороны) в межревизский период - их общая численность выросла на 788 человек (с 2472 до 3260), т. е. 31,9 %. [4] Трудно допустить, что увеличение на треть за столь короткий срок (7 лет) могло произойти вследствие естественного прироста населения. Следовательно, в одной из ревизий (или обеих?) были допущены неточности в учете населения.

Для сопоставления данных 9-й и 10-й ревизий первоначально были составлены предварительные генеалогические схемы для всех семей, зафиксированных 10-й ревизией. Затем они дополнялись и уточнялись данными предшествующей переписи. На основе сводных генеалогий 1851-1858 гг. по каждой ватаге были составлены таблицы, характеризующие динамику численности и движение ямальского населения в целом, а также отдельных хозяйств и членов семей. Основной трудностью при соотнесении ревизий явилась сменяемость имен. Кроме многочисленных случаев замены отдельных букв, что вполне объяснимо сложностью восприятия ненецких имен на слух или небрежностью переписчиков, нередко встречается полная смена имени. Например, старшина 2-й ватаги Гылындама Садин (1851 г.) в 1858 г. именуется Гылымбада Годучин, представитель 5-й ватаги (9-я ревизия) Потунка Серин в 10-й ревизии записан как Пунцына Хандарин, самоед 8-й ватаги Хазари Юнзин в 1858 г. фигурирует как Хазари Мунай и т. д.

Из этнографических источников известно, что самоед мог иметь 2-3 имени. О том, как эти разные имена могли попасть в ревизские списки, рассказывает писарь обдорской управы С.Энгестрем: "Один раз самоед называется по имени своего рода или родоначальника, например, Няруй, другой раз - по христианскому имени и отчеству, обращающемуся в фамилию, например, Иван Вачик (последнее есть имя отца некрещеного), третий же раз он называется языческим своим именем, до крещения бывшим - положим, Юбенда. Так одно и то же лицо будет именоваться: Няруй, Иван Вачиков, Юбенда. Пользуясь этим обстоятельством, некоторые самоеды придумывают различные плутни, так например, Иван Вачик нанялся в работники Карпову, Няруй - Попову и у обоих взял вперед деньги, с обоими заключил условия и оба условия засвидетельствовала управа, в особенности при постоянной смене писарей. Затем тот же самоед, будучи назван в податной тетради по платежу повинностей Юбенда, уклоняется от уплаты повинностей, так как при принятии к явке условия с него не могут быть взысканы ожидаемые с Юбенда повинности, потому что в условии значится Няруй, а не Юбенда. Затем тот же Иван Вачик задолжал казне за муку и чтобы избежать уплаты долга, а между уплатами получить вновь муки, он называется уже не Вачик, а Юбенда..." [5]

Не раз отмечавшейся русскими чиновниками изворотливостью ума самоедов может быть объяснен выявляемый при сопоставлении ревизий случай "воскрешения ясачной души" В 9-й ревизии значится семья братьев Ларуминых, с которыми живут две их матери (у ненцев было распространено многоженство). Обе женщины назва-

ны в переписи "вдовами" Прошло 7 лет, и в 10-й ревизии в той же семье появился новый член - Ларума Лай (64 лет), в котором легко узнать отца братьев Ларуминых и, соответственно, мужа двух "вдов"

В списках переписей встречаются повторы хозяйств (например, в 9-й ревизии хозяйства под №№ 90 и 93, в 10-й - под №№ 67 и 70, 77 и 78), идентичных по составу, именам и возрасту членов семей; иногда один и тот же человек записан в двух разных хозяйствах (например, по 10-й ревизии Лару Тюринзеда - в хозяйствах № 206 и № 227).

9-я ревизия учитывала обдорских самоедов по родам и ватагам, 10-я только по ватагам. В 1851 г. бродячие самоеды каменной стороны были представлены 6-ю родами, в которых выделялись 17 ватаг (345 хоз-в) с населением 2472 чел. (в том числе 1302 муж. и 1170 жен.). Ревизия 1858 г. зафиксировала 19 ватаг (510 хоз-в) с общей численностью 3260 человек (в том числе 1708 муж. и 1552 жен.). Количество ватаг выросло за счет разделения 1-й ватаги 3-го рода Вануты (в 9-й ревизии) на три самостоятельных подразделения - 9-ю, 10-ю и 11-ю ватаги (в 10-й ревизии).

Из 345 хозяйств, зафиксированных 9-й ревизией, к 1858 г. исчезло 73. Остальные 272 семьи преобразовались в 336 путем выделения дочерних малых семей. Кроме того, в ревизии 1858 г. появляется 174 новых хозяйства, происхождение которых установить трудно (в 9-й ревизии они не упоминаются). Из 1302 мужчин, отмеченных 9-й ревизией, за семь лет выбыло 474, родилось - 286, прибыло в семьи родственников 86. В 10-й ревизии упомянуты 508 мужчин, отсутствующие в прежней переписи. Число мужчин, значащихся в обеих ревизиях, равно 1200, а их общее количество увеличилось к 1858 г. до 1708 за счет внесения в реестры новых лиц. Численность женского населения изменилась следующим образом: из 1170 женщин, записанных в 9-й ревизии, ко времени проведения 10-й выбыли 542, естественный прирост составил 243, взято в жены 177, прибыло в семьи родственников 95. Кроме этого, в 1858 г. появляется 409 новых женщин, составляющих семьи вновь прибывших мужчин.

Приведенные выше цифры показывают, что общая численность населения бродячих самоедов каменной стороны увеличилась к 1858 г. исключительно за счет записи новых хозяйств, не учтенных предыдущей переписью. Известно, что ревизские сказки не охватывают всего наличного населения, а располагают доступной (достижимой) информацией. Возможно, часть хозяйств не вошла в списки в связи с перекочевками в другие волости или даже губернии, часть оказалась неучтенной по вине родовых и ватажных старшин (переписи составлялись на основе устных показаний старшин, которые, по замечанию С.Энгестрема, иногда "не знают и половины имен своей ватаги"). И все же вопрос, что позволило или заставило часть самоедов вернуться в родную тундру или что освежило память ватажных старшин к 1858 г., остается открытым. Ответ на него, скорее всего, кроется в истории русско-самоедских отношений и, в частности, истории самоедских восстаний середины XIX в. [6]

1. Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII в. первой половине XIX в. М., 1963; Васильев В.И. Проблемы формирования северосамоедских народностей. М., 1979.

2. Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. СПб., 1911. Т.1-2.

3. ГАЯНАО. Ф.12. Оп.1. Д.3. Л.47

4. В итоговой таблице, составленной В.И.Васильевым по данным 9-й ревизии, допущены неточности: во-первых (вероятно, по причине опечатки) общая численность самоедов каменной стороны оказалась равна 3481 чел. вместо 2272 (судя по его же подсчетам численности отдельных ватаг), во-вторых, и последняя цифра требует коррекции, поскольку В.И.Васильев недоучел 200 чел. в составе 2-й ватаги; по нашим подсчетам, численность каменных самоедов составляет 2472 (см. В.И.Васильев. Указ. соч. С.165-166 Табл.27.)

5. Энгестрем С. Обдорская волость в 1885-1886 гг. Записки писаря. Научный архив Тобольского музея. № 13342. Л.32.

6. Головин А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. С.155-165.

М.В.МУРЗАБУЛАТОВ (Уфа)

ЗАУРАЛЬСКИЕ БАШКИРЫ В XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Зауральские башкиры - локальная группа, проживающая в основном в Челябинской и Курганской областях. В Челябинской области они расселены главным образом в Аргаяшском, Кунашакском, Сосновском, Катав-Ивановском, Саткинском и других сельских районах. В Курганской области башкиры живут в Альменевском и Сафакулевском районах, которые граничат с Челябинской областью. Всесоюзная перепись населения 1989 г. учла в Челябинской области 161,2 тыс. башкир (11,1% башкир СССР), в Курганской области 17,5 тыс. башкир (1,2% башкир СССР).

Родо-племенной состав зауральских башкир чрезвычайно сложен. В относительно небольшом регионе проживают представители около полутора десятков родов, входящих в основном в три родо-племенных объединения: Катай, Айле, Табын. Племя катай в Зауралье представлено тремя родами: улу-катай, бала-катай и ялан-катай. Улу-катайцы в начале XIX в. расселялись в Екатеринбургском и Шадринском уездах Пермской губернии. По сведениям Данилова, составителя "Описания Пермской губернии", в 1800 г. в улу-катайских деревнях Кулужбаево, Забирово, Манатау, Ямантаево, Азнабаево, Аликаево, Абушахманово, Мансурово, Сапогово, Теляково, Иркабаево, Бакеево, Ильтуды, Канзафарово, Казанбаево насчитывалось около 300 дворов и 980 ревизских душ мужского пола. По данным Н.С.Попова, изучавшего Пермскую губернию в начале XIX в., в Улу-Катайской волости Екатеринбургского уезда проживало 988 человек обоего пола в 9 деревнях, "кои суть Каинкуль при озере того же имени, Апаково, Аликаева при озере Курмыскалы (Кырмыскалы - М.М.), Кулужбаева, Ибрагимова, при озере Сартаныш, Ямантаева, Юлдашева и Манатова при реке Караболке, Теренкулска и Пороховая при озерах, от коих получили название. "В Шадринском уезде в двух юртах, объединявших деревни Иркабаева, Тулякова, Канзафарова, Илтуды, Кулакова, Бакиева около р.Караболки, Сигирле, Мансурова и Сапогова, насчитывалось 535 башкир-улу-катайцев. Следовательно, в названных зауральских уездах Пермской губернии, по подсчетам Н.С.Попова, башкир-улу-катайцев было 1523 человека. В последующие годы численность их возросла. В конце 60-х гг. XIX в. статистический комитет министерства внутренних дел учел в Екатеринбургском и Шадринском уездах 3,5 тыс. улу-катайцев. Эти сведения, по-видимому, близки к истине, так как подтверждаются и другими источниками.

В начале текущего столетия в зауральских уездах Пермской губернии проживало около 5 тыс. башкир улу-катайского рода.

Улу-катайцы несколько раньше, чем бала-катайцы и ялан-катайцы Зауралья, оставили полукочевой образ жизни и перешли к оседлости. Поселения их в XIX начале